

Лирика И.А. Бунина периода «Окаянных дней»

К лирике периода «Окаянных дней» мы относим стихотворения, написанные Буниным в один из самых трагических периодов русской истории – период революции 1917 г., гражданской войны и начала первой волны эмиграции, когда им создавался дневник «Окаянные дни».

Потрясенный «вакханалией» революционного переворота, Бунин обращается к лирике, лирической прозе и начинает вести дневник, где в художественно-публицистической форме пытается запечатлеть и осмыслить происходящие события, которые, как впоследствии и дневник, он назовет «окаянными днями». Это экспрессивное название не только отражает авторскую оценку революции, но и несет в себе один из ключевых мотивов творчества Бунина 1917-1920-х гг. – мотива каинова преступления вершителей революционного переворота, власти большевиков. «Каин России <...> с радостно-безумным остервенением бросил за 30 сребреников всю свою душу под ноги дьявола...» – напишет Бунин в дневнике о событиях 1917 г. [1: 126].

Лирика Бунина периода революции и гражданской войны аккумулирует в себе все важнейшие темы и лейтмотивы дневника Бунина. В асоциальный мир лирики Бунина в 1917-1920-е годы врывается современность: кровавые события революции, установление диктатуры пролетариата, разрушение культуры, уничтожение инакомыслящих. В стихотворении «День памяти Петра» нарисована страшная картина последствий в России каинова предательства:

*Хлябь, хаос – царство Сатаны,
Губящего слепой стихией.
И вот дохнул он над Россией,
Восстал на божий строй и лад... [1: 322].*

Горькой иронией проникнуто стихотворение «Русская сказка» (1921), где в аллегорической форме изображена судьба народа, ожидавшего от революции построения нового «рая» и добровольно пошедшего «к черту в слуги». В жалобах Бабы Яги Ворону рисуется та же картина царства Сатаны:

*Окружен со всех четырех сторон
Тьмой да мглой сырой островок Буян.
А еще темней мой прогнивший сруб,
Где ни вздуть огня, ни топить не смей,
А в окно глядит только голый дуб,
Под каким яйцо закопал Кощей [2, 1: 365].*

В ряде стихотворений мотивы неприятия революционной России – «красной блудницы», мотивы гнева, мщения звучат открыто, как в стихотворениях «О, слез невыплаканных яд!» (1922), «Шепнуть заклятие при

блеске...» (1922), «Душа навеки лишена...» (1922), «День памяти Петра» (1925):

*О, слез невыплаканных яд!
О, тщетной ненависти пламень!
Блажен, кто раздробит о камень
Твоих, Блудница, новых чад,
Рожденных в лютые мгновенья
Твоих утех – и наших мук!
Блажен тебя разящий лук
Господнего святого мщенья! [1: 319].*

В стихотворении «Архангел» (в некоторых сборниках – «Михаил»), написанном в 1919 г., в христианском сюжете о Михаиле Архангеле, предводителе небесного воинства в его борьбе с силами зла, Бунин также выделяет мотивы «гнева, возмездия, кары», характерные для его оценки революционных событий:

*Архангел в сияющих латах
И с красным мечом из огня
Стоял в клубах синеватых
И дивно глядел на меня.
Дух гнева, возмездия, кары!
Я помню тебя, Михаил,
И храм этот, темный и старый,
Где ты мое сердце пленил! [2: 363].*

В лирике периода «Окаянных дней» особое значение приобретают библейские образы, мотивы, сюжеты. Особо актуализируется сюжет о потерянном рае. В «окаянные дни» России в одном из стихотворений Бунина 1917 года звучит вера в обретение пути к Богу как к потерянному раю:

*О радость радостей! Нет, знаю,
Нет, верю, Господи, что Ты
Вернешь к потерянному раю
Мои томленья и мечты! [2,1: 355].*

Два года спустя в аллегорическом стихотворении «Потерянный рай» (1919), написанном в лубочно-простонародном стиле, Бунин изображает трагические последствия незрелого восприятия и ожидания народом революции как потерянного рая. «У райской запретной стены / В час полуденный, / Адамий с женой Еввой скорбит» [2,1: 363]. И искаженные имена прародителей, и сам ритм, держащий на себе все стихотворение с отсутствующей рифмой, – всё это привносит в стихотворение явный иронический оттенок. Однако ирония направлена не на саму библейскую метаисторию. Безусловно, в этом стихотворении остро чувствуется авторское отношение к русскому народу, оказавшемуся в положении «изгнанных из рая», поддавшихся искушению «социальной революции». «Чуть не весь народ за «социальную революцию», – с горечью записывает Бунин в дневнике.

«В этом политическом стихотворении лубочный рай как будто списан поэтом с дешевой книжки с яркими картинками» [3: 31]. Отсюда в рай «за запретной стеной» «черные купарисы», трижды повторенные в нарочито неправильном написании с целью усиления простонародной безграмотности, на райской стене павлины: «Хвосты цветут яркой зеленью / Головки в зубчатых венчиках», «птицы вещие / С очами дивными и грозными, / С голосами ангельскими, / С красою женскою...» [2,1: 363-364]. Так в народном сознании соединяются приметы экзотического «рая» и «белый собор апостольский, / Белый храм в золоченных маковках, / Обитель отчая...» Ироническая интонация резко обрывается и сменяется трагической в конце стихотворения, где звучит покаянная молитва, обращенная к Спасителю, о возвращении в «потерянный рай» «той России» (М. Цветаева): «Иисусе Христе, миленький! / Прости душу непотребную! / Вороти в обитель отчую!» [2,1: 364].

Отразились в «Потерянном рае» и состояние самого Бунина, еще находившегося в России, но уже по сути изгнанного из родных мест, из «отчей обители», его впечатления от событий революции и гражданской войны – отсюда попавшие в рай «духи праведных, / Убиенных антихристом» [2,1: 364].

В роковые для российской истории дни христианская духовная Россия осознается Буниным как «потерянный рай». Это подтверждает дважды повторенная в тексте «обитель отчая» – образ, в контексте лирики Бунина всегда имеющий коннотацию святого понятия. Годом раньше было написано стихотворение «Древняя обитель супротив луны» (1918), в котором нарисован образ храма как сакрального пространства, где человек вновь может обрести потерянный рай и где осуществляется его связь с Богом:

*Древняя обитель супротив луны,
На лесистом взгорье, над речными водами,
Бледно-синеватый мел ее стены,
Мрамор неба, белый, с синими разводами.
А на этом небе, в этих облаках,
Глубину небесную в черноту сгущающих, –
Храмы в золотокованных мелких шишаках,
Райскою красою за стеной мерцающих [2,1: 362].*

Художественное пространство древней обители нарисовано Буниным как место, где земля соединяется с небом, как рай земной, сливающийся с небесным. Этот эффект возникает благодаря тому, что «бледно-синеватый мел ее стены» и «мрамор неба, белый, с синими разводами» даны в единой цветовой гамме, поэтому храмы древней обители мерцают «на этом небе, в этих облаках», становясь частью «глубины небесной» [3: 30].

Лирический герой поэзии Бунина периода революционной смуты обретает опору в Боге, в вечных христианских ценностях, неподвластных смерти, помогающих человеку преодолеть ненависть, праведный гнев, вынести испытания, боль, страдания, потери. Так возникает в лирике Бунина образ Христа, мотивы страданий, распятия и крестных мук («Вход в

Иерусалим» (1922)). В стихотворении «Древний образ» (1919-1924), воссоздающем лик Богородицы на древнерусской иконе, Бунин вновь утверждает эту истину:

*Она стоит в серебряном венце,
С закрытыми глазами. Ни кровинки
Нет в голубом младенческом лице.
И ручки – как иссохшие тростинки.
За нею кипарисы на холмах.
Небесный град, лепящийся к утесу,
Под ним же Смерть: на корточках, впотьмах,
Оскалив череп, скалит косу.
Но ангелы ликуют в вышине:
Бессильна, Смерть, твои угрозы!
И облака в предутреннем огне
Цветут и округляются, как розы [2: 374].*

Проведенный обзор лирики Бунина периода «Окаянных дней» позволяет выявить ее ведущие темы, мотивы, образы. Ключевым для понимания позиции Бунина в этот переломный исторический период, на наш взгляд, является стихотворение «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...» (1918). Оно продолжает начатую еще в раннем творчестве тему обращения человека к Богу, сокровенного разговора с ним. В предельно лаконичной форме Бунин говорит о самом главном в жизни: о пути человека к единственной истине и о Божьем суде:

*И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет – Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной»
И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленам припав [2: 362].*

Библиографический список

1. Бунин, И.А. Окаянные дни [Текст] / И.А. Бунин. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 336 с.
2. Бунин, И.А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т.1 [Текст] / И.А. Бунин. – М.: Художественная литература, 1987.
3. Бердникова, О.А. Библейская антропология в мире И.А. Бунина [Текст] / О.А. Бердникова // Русская литература. – 2009. – № 3. – С. 25-34.